

— А-а-а! — Пресвятая Дева
кричала, рожая.
— Тужься же, тужься! —
роженицу умолял обручник Иосиф.
А в небе полночном Звезда расцвела.
Её отражала
Вода, что ввечеру принесли
водоносы.

Допреже незнаемую боль
превозмогая,
Разрешилась от бремени —
как предвозвещено Гавриилом.
В ночи пастухи ликовали:
над миром Звезда воссияла...
Сына Дева к отяжелевшей груди
приложила.

«Была-не была» — вековечное
русское наше присловье.
Живём, на Николу надеясь,
на икону его крестясь.
И пред молитвою страх отступает.
Бог с ней, этою преисподней,
Где пекло пылает, где бесы куражат,
лакая зловонную грязь.

Вотще ты ропщешь на Судьбу!
Она ли в бедах виновата,
Когда заплату за заплатой
Кладёшь на совесть? А божбу
Не признаёшь за преступленье.
И, суесловием гордясь,
Слов пакостных разводишь грязь
Поставив Веру под сомненье.

Где так болит? В какой такой душе?
Я знаю печень, я с желудком дружен.
Пять чувств надёжных
у меня на службе.
Авось, шестое обрету уже...
А где душа, вместилище её?
Всё это выдумки, поповские затеи.
В блестящих одеяниях злодеи
Дурманящее предлагают нам питьё.
Незнаема Душа, её неведом вид...
Но почему она болит, болит?
Две девочки, словно бабочки,
над цветами,
Что на асфальте цветными мелками
Нарисованы. А остальные-то где?
Остальные? Да их не родили.
И не стремились, и не заводили
Думая о чём угодно. Но не о Судьбе.
Зато теперь ни шума во дворе,
ни гама,
Ни бега взапуски, ни трамтарарама.
Всё благородно, чинно, как
В тех местах, где уготовано
упокоенье,
Где неуместны шум, возня,
движение,
Только соскальзывание во мрак.
Если
Не поёте вы русские песни
Дитятке своему пред тем, как свет
загасить, и во тьму

Ночную отпустить его нежную душу,
Тогда в его уши
Птеродактили налетят
из неведомых стран
Бесы во сне станут наборматывать
всяческий стыд и срам,
Акомпанируя на тамтамах
из человечесьей кожи,
Приманывая к дитятке, что негоже:
Всякую безделицу и нелепицу.
Ведущую в никуда лестницу
Звучание нот, корёжащих
нотный стан...
Баюкайте дитятко.
Для того вам Господом дан
Голос. И песня, что на Руси
от века деткам поют:
— Баю-баюшки-баю,
Не ложися на краю.
Придёт серенький волчок,
Схватит доню за бочок...
Ёжик яблоко нашёл,
На иголки наколол
И скорей бежать в кусты —
В схрон для всякой вкусноты!
Женщина суетна, изворотлива,
кокетлива сверх меры,
Дозволяя мужчинам считать
себя бестолковой.
А мужланам думать,
что только они умны.

Павел Георгиевич Рыков (1945 г.р., Москва) закончил Московский институт культуры (1969), режиссёр, профессиональный телерадиожурналист, работал в Свердловске, Оренбурге, собкор радио «Маяк» (с 1973). Основатель факультета журналистики в Оренбургском госуниверситете, доцент этой кафедры. Автор 16 книг стихов, прозы, пьес (1-я поэтическая книга — «Московский писатель», 1998). Тексты публиковались в журналах: «Москва», «Молодая гвардия», «Литературные знакомства», «Дон», «Гостиный Дворъ» и др. Лауреат профессиональных журналистских и ряда литературных премий, член Международной академии телевидения и радио. Член Союза писателей России, Ассоциации литераторов Оренбуржья.

И это ей удаётся.

Тому библейские есть примеры;
Умотать мужика.

И когда он нырнёт во сладкие сны,
Наготове ножницы
для стрижки овец. И — готово:
Кудри острижены.

И вчерашний непобедимый герой
Сидит на цепи у зловонной парашаи.

И струнья на голове его
покрывает сочащийся гной.

Он довольствуется подгоревшей
чечевичною кашей.

Его, побеждённого покинули
всевсевсе, даже друзья.

Далила смотрит в зеркало,
и гордится собой —

Она умна и обкорнала того,
которого победить нельзя.

А мужлан в тоске бьётся
о камень остриженной головой.

О, лукавая победительница!
Ты в ликовании,

Но не заметила, что вновь
обрастает звериною шерстью

Мужлан. И стенам не устоять
пред страстью его и мезтью.

Своды обрушатся...

Впрочем, что тебе до предания,
Ведь мужлан побеждён

и гноем покрыт и паршой.
И мнится, что неколебимо,

многоколонное здание,
А новый мужлан услужает и телом,
и даже душой.

Зегзица, глупая птица!

Зачем мне сулишь невозможное?
Столько никто никогда не живёт...

И, всё-таки, все мы вслушиваемся
в арифметику ложную:

А вдруг повезёт? Господи!
Вдруг повезёт!

И река теперь чья-то,
и чужие обсели её берега.

Наш ли запах черёмухи
над прохладной водою?

Разъяли. Как волки, загрызли страну.
Мы проглядели врага,

Что по-хански воссел
над тобою и мною.

Йодом душевные раны не лечатся...

— Кто там? Ужель никого?

Никогошеньки?
Сколько глаза в глазок ни таращи
в двери.

Нет никого. Позарастали
все стёжки-дороженьки.

Было — толпились.

А нынче смотри — ни смотри,
Кончилось время, которое было

отпущено
С кем выростал, веселился,
ласкался и жил...

Сколько заветных в землю
сырую опущено.

Не сбиться бы при пересчёте могил.

Любовь? Да полно вам!

Зачем разэтакая мука?
Она слабеющую руку,

Вздывает, чтоб глаза прикрыть
от жалящих лучей.

Но, как журклив ручей его речей
— Ах-ах! И вот уж не противится

Журчащим речам строптивца.
И верит, верит

прельстительнейшим словам:
— Как без любви? Я за неё,

что просят, всё отдам...

Метит нас жизнь.

Выпсает в шёлковых лугах,

Жил себе жил... Вдруг оно налетело,
Ум твой, играючи, одолело,
Всею душою твоей овладело
И... отступило. И нет никого.
И — ничего. Только умные речи
Только раздумий тупики да углы,
Мысли без повода,
не важные встречи...
И одиноких ночей кандалы.

Фотосинтез миру открыли
учёные головы,
Понасочиняли по этому поводу
Уйму заумнейших диссертаций.
Сколько бумаги истратили —
и не счесть,
Сколько ассигнований вложено,
и ассигнаций
Выплачено. А им какая оказана честь!

Создание же Мира обошлось
всем нам не накладно.
Свет Господь бескорыстно
от Тьмы отделил.
К профессорам за советом
отнюдь не ходил.
И хлорофилл изобрёл
совершенно бесплатно.

Хмуриться не надо,
даже если хмуро
Целый мир на вас смотрит в упор
И во взоре у него укор:
— Что это за странная фигура,
Улыбается, хотя пора взростель,
Прекратить плясать и песни петь
И смеяться беспричинно, сдуру.
Издадим Указ, чтоб каждый смог
Запретить улыбку на замок.
Хмуриться!!!
А я смеюсь пока.
Что с меня возьмёте, дурака?

Цель хороша. Да средства — никуда...
Хотели побыстрее, а когда
Дошли до цели — ноги отказали;
По людям шли, давили и топтали.
А тех, кто против — загоняли в щель.
Что люди, если ждёт

возвышенная цель!
Дойдём — твердили —
и наступит диво:
Блестательно, обильно и красиво,
Союзно и торжественно вполне.
Вперёд! А на войне, как на войне!
А лес рубить — не обойтись
без щепок!
А рубят головы — топор остёр
и крепок!
Да, жалок тот, кто жалостью томим.
Толкни его в кювет и хрен бы с ним!

Но мы дошли! Зато мы победили.
Вот только ноги до костей сносили.

Чижик-пыжик! Друг сердечный!
С детства помню твой мотив.
Повзрослев, вина налив,
Чествовал тебя, конечно,
Напевая: «Где ты был?»
А теперь не стало сил
Ни на песню, ни чарку,
Ни на добрую шинкарку,
Ту, что на руках носил.

Чижик шепчу: «Спевай,
Не спеши! Не улетаи!»

Шорох шёлков, ниспадающих с плеч
О, полусумрак! Ты что-то сказала;
Губы... И полубезумная речь...
Пламя свечи отразилось в бокалах.

Струйка — один за одним
пузырьки —

Холод шампанского. Прикосновенья.
И, подчиняясь мановенью руки,
Птицей ночной отлетают мгновенья.

Шорох шёлков никогда не забыть;
Сумрак. Шампанское. Время любить.

— **Щи**, милая моя!

Свари мне это чудо!
Пожалуйста! — отвесил я поклон.
Кто выдумал рецепт? Завезено откуда?
Египет? Древний Рим?

Иль даже Вавилон?

Но если б в Вавилоне щи варили,
И наслаждались щами не спеша,
Тогда бы те, кто Башню возводили
Не разбежались, языки смешав.

Ъ — знак твёрд. И твёрдостью своей
Он женщинам всего милей!

Ьых!

Только и скажешь, когда тебе
врежут под дых...

Ь — он мягок, утишает боль и страсть
Помочь сумеет пережить страдальцу,
Тот миг, когда пришла пора

пропасть,
И утекает жизнь водой меж пальцев.
Наш век жесток.

Готов рядить-судить,
Не трата время, чтобы разобраться,
И наотмашь лишает права жить...
Как мягкости нам не хватает,
братцы!

Это мгновение, это...

Сад — весь в вишнёвом цвету —

Светится сквозь темноту.
Белым и розовым цветом

Верит поэт что сойдёт,
Муза в воздушных одеждах
Тешит себя он надеждой:
Славу и деньги несёт.

Только Евтерпе невмочь
Деньги нести дуралею...
В сполохах белых аллея.
Вишня цветущая! Ночь!

Юноша! Не забывай свою юность!
Сколько бы жизнь ни таскала
тебя за вихры,
Как ни раздирала бы риз на махры,
Помни свою невозвратно
прекрасную глупость.

Я знаю всё! — Не знаю ни шиша...
Я верую! — Но дань плачу неверью...
Богаче всех! — В кармане ни гроша...
Бью стену лбом! —
Пренебрегаю дверью...

Я справедлив! —
Меня пристрастней нет...
Готов помочь! —
Но скупость сердце гложет...
Советуйте! — Плевать на ваш совет...
Уверен я! —
Но говорю: «Быть может»...

Безсмертен я! —
Но скоро скажут: «Был».
Я Враг любви! — Я полюбил навеки...
Хозяин Слову! — Посулив, забыл...
Я — Человек! — Как все мы, человеки.